

Ю. Н. Смирнов

ПРИЧИНЫ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О СОЗДАНИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ: К 160-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Лесостепное и степное Заволжье, занимающее обширную территорию, в середине XIX в. оформилось как цельное образование и составило новую Самарскую губернию. Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории до образования этой губернии не способствовала концентрации документальных материалов по прошлому Заволжья в одном месте. К тому же архивохранилища поволжских городов сильно страдали от пожаров. Однако сохранился солидный массив архивных источников по этому региону в Санкт-Петербурге (Научный архив Русского Географического общества, Российский государственный исторический архив, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки), Москве (Государственный архив Российской Федерации) и Оренбурге (Государственный архив Оренбургской области).

К сожалению, эти архивные материалы по истории образования Самарской губернии долгое время оставались вне поля зрения краеведов и региональных историков. Во многих публикациях эта история по-прежнему ограничивается упоминанием указа об учреждении губернии и пересказом газетного сообщения о церемонии открытия губернских присутственных мест 1 января 1851 г. Может сложиться представление, что решение верховной власти было принято внезапно, в одночасье. Впрочем, такое же впечатление было и у недостаточно осведомленных современников из числа рядовых обитателей Самары, до которых доходил лишь «смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский»¹.

Недостаток источников иногда «восполнялся» не их поиском, а вымыслами. По версии, продвигаемой Г.В. Алексушиным в публикациях, в телепередачах и в Интернете, в деле создания Самарской губернии ведущую роль сыграл В.А. Перовский, якобы занимавший с 1832 по 1857 гг. пост «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора»². На самом же деле самой такой должности до весны 1851 г. не существовало. Это явствует из многочисленных работ по истории Оренбургского края, посвященных руководителям этой территории³. Во время обсуждения и решения вопроса о создании Самарской губернии в Оренбурге были военный губернатор, в должности которого в 1842-1851 гг. служил В.А. Обручев, и гражданский губернатор, которым в 1846-1851 гг. являлся Н.В. Балакшин. В.А. Перовский был отставлен от должности оренбургского военного губернатора (не генерал-губернатора!) в 1842 г. Оренбургской губернией он после этого не управлял, а испросил и получил должность генерал-губернатора после отставки В.А. Обручева в марте 1851 г., когда решение о создании Самарской губернии было не только принято, но и успешно реализовано. Соответственно участники банкета

1 января 1851 г. по случаю открытия этой губернии после первого тоста за здравие государя императора никак не могли поднять второй за «Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А. Перовского», что с большой выдумкой описывает Г.В. Алексушин⁴, но о чем ничего не говорят, разумеется, реальные участники тех событий.

Ни скоропалительно, ни по субъективным причинам важные дела в государственном аппарате императорской России николаевского времени не решались. У вопроса о создании Самарской губернии имелась предыстория, он был вызван объективными причинами, прошел обстоятельное обсуждение.

Любопытно, что впервые о претензиях Самары на высокую административную роль было заявлено в декабре 1773 г., когда пугачевский атаман И. Арапов пообещал от имени «императора Петра Федоровича» жителям Самары, перешедшим на его сторону, сделать их город центром губернии⁵. По понятным причинам это слово сдержано не было. Устройством органов власти занялась победившая сторона. В ходе реформы местного управления, начатой Екатериной II, Самарское Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями.

В 1780 г. было создано Симбирское наместничество (губерния). Его юго-восточную окраину составили Ставропольский, Сызранский и Самарский уезды. Сергиевский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды на северо-востоке Заволжья оказались в Уфимском наместничестве, учрежденном в 1781 г. и преобразованном в 1796 г. в Оренбургскую губернию. В ее составе упразднились Сергиевский и Бугурусланский уезды, но последний в начале XIX в. был восстановлен.

Более полувека южную часть Заволжья составляли левобережные половины Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов. Они находились в Саратовском наместничестве, учрежденном в 1780 г., разделенном в 1796 г. между Астраханской и Пензенской губерниями, но восстановленном в 1797 г. под именем Саратовской губернии. В 1835 г. на заволжских землях этой губернии были образованы два новых уезда, Николаевский и Новоузенский⁶.

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Однако значительная часть здешнего населения и его земли оставалась вне ведения гражданских властей, а подчинялась непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещеные калмыки, башкиры на восточных землях Заволжья. Это военно-служилое население делилось на кантоны, «кои составляют род округа, в коем выбранные из народа люди и старшина управляют оним, составляя чрез сие род

П.Д. Киселев

Л.А. Перовский

народного суда, пекшегося для выкомандировки войска на линию в полной силе, как сбором команд, равно вооружением, содержанием и приводом оных⁷. Расписание пяти казачьих кантонов было составлено в 1798 г. оренбургским военным губернатором О.А. Игельстромом⁸. Из них два кантонов (3-й и 5-й) размещались в заволжских уездах Симбирской и Оренбургской губерний и из-за отдаленности от пограничных линий обычно назывались

внутренними. Они делились на станицы, которые здесь, как правило, не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в совместных местах жительства с горожанами и крестьянами. Так, казаки г. Самары составляли Самарскую станицу 5-го кантонов⁹.

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. Благодаря совместному воздействию таких социальных и политических факторов, как правительственные меры по закреплению Заволжья в составе России, желание помещиков увеличить свои владения и доходы, стремление хлебопашцев на свободные земли, к концу первой трети XIX вв. произошло коренное изменение демографической ситуации в левобережной части Самарского края в отношении плотности и сословного состава населения. Перечисленные факторы продолжали действовать и в предреформенные 1830-1850-е годы, но к ним добавилось мощное влияние экономического характера в связи с превращением Заволжья в одного из главных поставщиков российского товарного хлеба.

Именно на исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие решения о создании особой заволжской губернии. К ним относится:

- 1) стремление властей одновременно поддерживать и удержать под своим контролем переселенческое движение,
- 2) окончательная потеря краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей,
- 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

Государственное участие в процессе заселения края усилилось вследствие реформы казенной деревни, предпринятой по инициативе П.Д. Киселева. В ее осуществлении важное место отводилось переселенческой политике: «Министерство государственных имуществ с самого образования своего (26 декабря 1837 г. - Ю.С.), убедившись в необходимости облегчить участь нуждающихся в угодьях крестьян малоземельных губерний и обратить излишние руки с одних мест к обрабатыванию обширных пустопорожних пространств в многоземельных губерниях, распорядилось выпуском значительных партий переселенцев...» Для этих переселений предназначались, прежде всего, заволжские территории Оренбургской и Саратовской губерний¹⁰.

Проблемы переселенцев не раз создавали трудности у местных властей, не справлявшихся с большим притоком людей, а потому не раз требовавших его ограничения и даже временного прекращения. Однако даже получаемое время от времени согласие центральных правительственные учреждений на подобные ограничения мало что меняло. Появление на свободных землях самовольных переселенцев из казенных крестьян все равно заставляло

и руководителей столичных ведомств, и губернских чиновников оформлять эти переходы, чтобы не потерять налогоплательщиков и не довести их до разорения¹¹.

Накопившиеся нерешенные вопросы заставили министра государственных имуществ П.Д. Киселева дать поручение в 1842 г. действительному статскому советнику Райскому составить специальную записку о состоянии крестьян-переселенцев¹². За этим последовали командировка последнего в Заволжье в 1843 г. для изучения вопроса на месте, по результатам которой были приняты новые правила о переселениях, высочайше утвержденные 8 апреля 1843 г. и стимулировавшие дальнейший приток жителей на новые территории¹³.

Мероприятия, схожие с теми, что осуществляло киселевское министерство, проводило в отношении удельных крестьян Министерство императорского двора. Приток переселенцев обеспечивался также помещиками, выводившими своих крепостных на свободные земли, купленные или полученные по пожалованиям от верховной власти в Заволжье.

Вместе с тем правительство в 1840-х гг. прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены его внутренние кантоны в Заволжье, а казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ¹⁴. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток на новую границную линию¹⁵. Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана. В 1842 г. калмыки вслед за казаками были выведены из Заволжья.

Издавна обитавших здесь башкир выселение не затронуло. Однако самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII-XIX вв. земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группы башкир, причисленной в 1832 г. в ведение Уральского казачьего войска, отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда в вершинах рек Иргиза и Карапыка (в современных Большеглушицком и Большечерниговском районах)¹⁶.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся с 1801 г. по утвержденному еще Павлом I сенатскому докладу малоземельной и не подлежащей массовому заселению¹⁷. Теперь в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивающий новых поселенцев на несколько десятилетий. Однако это порождало административные проблемы.

Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная

сторона. Так, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирской губернии вообще не оставалось государственных крестьян, которые, согласно мнению Государственного Совета, утвержденному 16 января 1835 г. Николаем I, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями¹⁸. Соответственно здесь не было и учреждений, ведавших казенным землевладением. Однако Ставропольское Калмыцкое войско, подчиненное мимо уездных гражданских властей Военному министерству, было упразднено, а его территория перешла под контроль особого правительственный органа, созданного в 1844 г. и названного Временным Управлением казенными землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам, принятым в 1846 г., а первые переселенцы были допущены в 1849 г.¹⁹

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и хозяйственной жизни Заволжья делали все более ощутимыми трудности управления черезесчур обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создать на левобережье Волги отдельную губернию.

Еще в 1820-е гг. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии на две²⁰.

В 1842 г. сенатор А.Н. Пещуров совершил реформу Оренбургской губернии. В представленном рапорте им указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что «народонаселение здешней губернии быстро увеличивается через поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления».

10 августа 1843 г. Николай I приказал: «Сообразить и представить проект разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Началось тщательное изучение этого вопроса с целью придать этой идеи географические очертания, соответствующие реальным административным задачам.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: «Учреждение новых губерний начать с одной Самарской»²¹, которую предполагалось устроить из заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского). При этом правобережная часть Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в ее Сызранский уезд. Заволжские селения последнего (в современном Приволжском районе), в свою очередь, передавались Самарскому уезду.

Интересно, что в делах оренбургского архива нет запроса из столицы по поводу нового варианта образования Самарской губернии. Серьезных аргументов против выключки из Оренбургской губернии ее самых западных уездов не было, согласия у властей Оренбурга не спрашивали, а только требовали принятия необходимых мер к открытию новой губернии.

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. В то же время, из числа многоземельных выключались окончательно Саратовская и Симбирская губернии, оставшиеся без луговых сторон, сокращался и объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что дальнейшее освоение заволжских территорий было одной из важнейших задач при принятии решения о создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. От имени императора Министерство внутренних дел ставило перед руководителями всех центральных ведомств одинаковый вопрос, не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению» административных преобразований. Решающим же оказался обстоятельный отзыв, который был подан 22 июня от Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел Л.А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н.М. Гамалею, что, ознакомившись именно с этим отзывом, Николай I окончательно «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года»²².

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой и определившим будущий административный центр, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую экспортную пшеницу - «белотурку»²³. После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»²⁴. В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана города Самары 1804 года, поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было», теперь же число последних достигло нескольких сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, простирались до 3-5 млн. пудов²⁵.

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новых штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления²⁶. Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей²⁷. Однако реальная численность жителей была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. чел., даже зимой в Самаре реально проживало не менее 25 тыс. обитателей²⁸.

Если до XIX в. левобережное расположение Самары сдерживало ее развитие и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. Через Самарскую пристань в середине века проходило в стоимостном выражении две трети грузооборота всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы²⁹. Получение ранга административного центра Заволжья было естественным шагом, закреплением реального исключительного положения Самары в крае, а не просто волевым актом.

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Предусмотренная заранее дата 1 января 1851 г. действительно стала днем начала существования новой губернии. Не стал помехой даже страшный самарский пожар 1850 года. В городе остались здания, пригодные для размещения губернских присутственных мест, например, дом купца И.И. Макке. Однако окончательное устройство губернии выглядело незавершенным, поскольку в указе предусматривалось, что в ее состав войдут не 7, а 8 уездов за счет раздела Николаевского уезда на два.

Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховской предложил при разделе Николаевского уезда сделать центрами уездов Мосты и Балаково. Сам Николаевск (современный Пугачев) как уездный город подлежал упразднению. Та же участь должна была постигнуть Ставрополь, выгоревший дотла 27 августа 1851 г., расположенный в отдалении от главного русла Волги и страдавший от регулярных подмызов берега рекой. Волховской полагал перенести уездный центр в Мелекес с переименованием того в Новый Ставрополь³⁰.

Возможно, будь решения по этим вопросам выработаны сразу, то они бы осуществились. Однако в административном рвении местные власти стали разрабатывать планы передела границ практически всех уездов губернии. Пока шла бюрократическая переписка, жители Ставрополя город отстроили за-

ново, его возможный перенос стал излишне затратным. Начавшаяся тяжелая Крымская война, смена на императорском троне окончательно похоронили мысль о перекройке уездных границ в губернии, которые остались прежними с 1851 г.

С меньшим шумом решалась более важная, но и более деликатная проблема молодой губернии. Новый статус Самары, усиление органов власти, суда и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией – приемом и использованием труда беглых и самовольно ушедших крепостных, особенно в производстве, хранении, погрузке и перевозке товарного хлеба.

Одними из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании Заволжья, были военное министерство и корпус жандармов. Еще 8 июня 1850 г. дежурный генерал Главного штаба рапортовал шефу жандармов о том, что учреждается Самарская губерния, в которой должна быть сформирована жандармская команда, как только «будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест». В рапорте Л.В. Дубельта от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании команды объявлялся окончательно решенным, что получило также одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. 27 декабря за три дня до официального открытия губернии в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малакеенко³¹. Происходил также рост численности полицейских чинов.

Все эти приготовления вызвали опасения у тор-

гового люда, а также должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. По настоянию местного чиновничества и купечества министр внутренних дел и генерал-губернатор отдали в феврале 1852 г. С.Г. Волховскому распоряжение отменить проверку паспортов у торговцев и работников, прибывающих в Самару, то есть фактически запретили сыск и преследование беглых. «Юрьев день» в новой губернии фактически наступил почти на десятилетие раньше отмены крепостного права во всероссийском масштабе 19 февраля 1861 г.³²

В предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Самарского Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничими штатами³³. Здесь сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны. За внешней оболочкой административных перемен происходили серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и социального развития края. Регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности.

Примечания:

¹ Самарская летопись. Кн. I. Самара, 1993. С. 196.

² Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 33, 35, 44.

Дом И.И. Макке

³ См.: Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999; Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.) Уфа, 2010; и др.

⁴ Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. С.43.

⁵ Смирнов Ю.Н. Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед. Самара, 1994. С.13.

⁶ НА РГО. Раз.36. Д.9. Л.87об.-88.

⁷ ОР РНБ. Ф.550 ОСРК. F.IV.37.С.30.

⁸ ОР РНБ. Ф.1000 СЕП. On.3. Д.161.Л.2об.

⁹ ГАОО. Ф.6. On.4. Д.8227. Л.1.

¹⁰ РГИА. Ф.381 On.2. Д.523. Л.63.

¹¹ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М., 1984. С.100,105,110,116.

¹² РГИА. Ф.381 On.2. Д.359. Л.1 и об.

¹³ РГИА. Ф.381 On.2. Д.523. Л. 59,66.

¹⁴ ОР РНБ. Ф.120 «Бычковы». On.1. Д.2477. Л.3, 8об.

¹⁵ ОР РНБ. Ф.571 «Перовские». On.1. Д.13. Л.18 об.

¹⁶ ОР РНБ. Ф.608 «Помяловский И.В.». On.2. Д.136. Т.1. Л.243-321об.

¹⁷ ГАУО. Ф.156. On.1. Д.186. Л.79 об.

¹⁸ ГАУО. Ф.156. On.1. Д.25. Л.3.

¹⁹ РГИА. Ф.381 On.2. Д.791, 943.

²⁰ ОР РНБ. Ф.571 «Перовские». On.1. Д.13. Л.6об.-7.

²¹ РГИА. Ф.383. On.9. Д.7674. Л.44.

²² РГИА. Ф.383. On.9. Д.7674. Л.73.

²³ НА РГО. Раз.34. Д.22.С.11.

²⁴ НА РГО. Раз.34. Д.6. Л.36 об.

²⁵ РГИА. Ф.1290. On.1. Д.63. Л.3об.,5об.,29 и об.

²⁶ РГИА. Ф.1287. On.5. Д.1018.

²⁷ НА РГО. Раз.34. Д.6. Л.87.

²⁸ РГИА. Ф.1152 On.3. 1841 г. Д.87.

²⁹ НА РГО. Раз.34. Д.6. Л.93.

³⁰ ГАОО. Ф.6. On.6. Д.12928. Л.1-2, 5, 10-11, 17, 24.

³¹ ГАРФ. Ф.1174. On.1. Д.142. Л.98; Ф.110. On.2. Д.1418. Л.1 и об., 3, 16 и об.

³² См.: Смирнов Ю.Н. Беглые и состояние паспортного режима в дореформенной Самаре // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000; Его же. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: материалы к межд. науч. конференции. М., 2011.

³³ РГИА. Ф.1341. On.80. Д.475. Л.8,12